

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

К. В. ГЕРШ, А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ И. М. ГРЕВСА

Вниманию читателей предлагается текст не публиковавшейся ранее статьи профессора Санкт-Петербургского университета, основателя петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Представляется, что данная публикация позволит более полно воссоздать творческую биографию историка, учитывая и такую грань его творчества как политическую публицистику, ранее находившуюся за пределами внимания историографов.

Ключевые слова: *Иван Михайлович Гревс, политическая публицистика, петербургская школа медиевистики, Церковь и Революция, либерализм в России*

Политическая публицистика профессора Санкт-Петербургского (Петроградского/Ленинградского) университета, основателя петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) практически не привлекала внимание ни исследователей истории русского либерализма¹, ни исследователей жизни и творчества ученого². Между тем, перу И. М. Гревса принадлежит несколько десятков публицистических статей, посвященных актуальным вопросам политики, опубликованных в разных изданиях на протяжении 1905–1918 гг. Кроме того, в различных архивах сохранились тексты нескольких политических статей, написанных Гревсом и не увидевших свет при жизни автора. Одну из таких статей мы и предлагаем сейчас вниманию читателей.

Блестящий педагог и создатель оригинальной концепции экскурсионной работы И. М. Гревс не был выдающимся политическим мыслителем или популярным журналистом, но изучение этого аспекта его творческого наследия позволит дополнить картину восприятия политических трансформаций, которые переживали в Российской империи начала XX в. различные группы академических интеллектуалов.

Публикуемая ниже статья И. М. Гревса «Церковь и интеллигенция» представляет, на наш взгляд, интерес по нескольким причинам.

Во-первых, в этой статье (и видимо, это стало одной из причин того, что она не была опубликована в то время) наиболее отчетливо выражено однозначно негативное отношение историка к советской власти. Февральскую революцию 1917 г. Гревс воспринял с одобрением. В состав Временного Правительства входили его близкие друзья и единомышленники (В. И. Вернадский и С. Ф. Ольденбург), а сам историк активно участвовал в подготовке реформ высшей школы³. А вот октябрьский переворот и захват власти большевиками И. М. Гревс воспринял

¹ Гайда 2003; Селезнев 2006; Шацилло 1985; Шелохаев 2019 и др.

² См., напр.: Скржинская 1946; Вахромеева 2005; Каганович 2007 и др.

³ См., напр., Сизова 2017.

однозначно негативно. В многочисленных письмах, адресованных близким людям, он описывал эти события как настоящую катастрофу. Своей ученице Е.Я. Рудинской Гревс писал: «Нам придется умереть среди мук...»⁴. Примерно то же настроение отражено в письме к давнему другу Д.И. Шаховскому: «Так тяжело, как никогда даже и не чаялось, что может быть так. Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство»⁵.

Видимо, это отношение к советской власти сохранилось на протяжении всей последующей жизни историка, что сделало невозможной его дальнейшую деятельность в качестве публициста. «Церковь и интеллигенция» – одна из немногих статей, в которой он публично говорит о своем неприятии нового политического строя.

Во-вторых, в этой статье Гревс совершенно определенно позиционирует себя как человека «воцерковленного», интерпретируя революционные потрясения через призму религиозного, христианского дискурса. Крещенный в детстве в соответствии с семейными традициями, увлекшись в студенческие годы «демократическими» идеями и даже вновь, по собственным словам, вернувшись к Церкви после трагедии, связанной со смертью дочери, историк всегда определял религиозную веру как личное дело, отличное от профессии. В многочисленных текстах он одобрительно пишет об «историческом» христианстве, подчеркивая его большое положительное историческое значение, «извне», в рамках светского (академического) дискурса⁶. Как «светский» историк он оценивает историческое значение «религиозных гениев» Данте и Августина. Светский дискурс характерен и для политической публицистики Гревса.

А «Церковь и интеллигенция» – однозначно религиозный дискурс «политического идеализма» «веховской» традиции. Недаром Гревс интересовался в письме к Вяч. Иванову сборником «Из глубины», «веховским» ответом на победу большевиков⁷. И сам язык статьи, и ее «идейное» содержание, и круг авторов, на которых одобрительно ссылается историк в статье (С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, А.В. Карташев), и то, что он позиционирует себя в тексте как человек не просто религиозный, а «воцерковленный» – однозначно указывают на «ангажированность» церковной традицией. Видимо, связано, с одной стороны, проводимая большевиков политика (в т.ч. в отношении церкви) фактически подтолкнула Гревса и близких ему по взглядам людей к дальнейшему «воцерковлению»⁸. «Церковь дает утешение», – писал он той же Е.Я. Рудинской⁹. С другой стороны, не исключено, что в «горниле революционных потрясений» именно религиозный дискурс представлялся историку наиболее адекватным способом интерпретации происходящего. И, наконец,

⁴ Человек с открытым сердцем 2004: 297.

⁵ История и поэзия 2006: 257.

⁶ См. напр.: Гревс 1893. Этот же подход проявился и в рукописи неопубликованной работы И.М. Гревса о Данте. См.: СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 211.

⁷ История и поэзия 2006: 256.

⁸ Каганович 2007: 47.

⁹ Человек с открытым сердцем 2004: 297.

статья «Церковь и интеллигенция» представляет особый интерес в контексте внутришкольных коммуникаций петербургских медиевистов.

Дело в том, что 1917–1918 гг. – это период резкого обострения взаимоотношений профессора с его некогда самым близким учеником, Л.П. Карсавиным¹⁰. А в публикуемой статье Гревс одобрительно ссылается на идеи и авторов, близких на тот момент Карсавину, например, на А.В. Карташева, скрывавшегося от большевиков в квартире Карсавина¹¹. Да и сам религиозный дискурс статьи в большей степени характерен для работ Карсавина, а не Гревса. Так что можно предположить, что в значительной степени конфликт двух историков вызван не столько идейными, сколько сугубо личными расхождениями.

История появления текста «Церковь и интеллигенция» не совсем ясна. По словам самого Гревса, эта статья родилась из подготовленного им доклада в июне 1918 г. «По этому вопросу я выступал с докладом на днях на одн[ом] публичном собрании, развивая тезис о сближении религиозной интеллигенции с церковью в связи с оценкой начала религии в культуре и ее обновления», – писал историк 8 июня 1918 г. редактору «Биржевых ведомостей» А.Л. Волынскому¹². Дело в том, что редакция предложила Гревсу написать статью на тему «Религия и политическая идеология», но эта тема ему представлялась «не ясно», и он предложил ответ на «близкую тему». Историк предлагал редактору закрытой на тот момент газеты очень быстро написать «большой фельетон» строк в 500–600: «Дать простор для освещения религиозных вопросов было бы очень необходимо... Теперь это надо бы еще усилить». Текст статьи Гревс все-таки отправил Волынскому в надежде на скорую публикацию: «Теперь такое время, что жаждешь голоса подать на ряд вопросов, глядящих в будущее и не можешь не радоваться, когда находится орган, к тому же зывающий»¹³. Кроме писем Гревс пытался несколько раз связаться с редакцией по телефону, но безуспешно. Видимо, историк очень рассчитывал на плодотворное сотрудничество с газетой, издание которой, в конце концов, так и не было возобновлено.

Скорее всего, доклад и статья «Церковь и интеллигенция» были откликом на еженедельник «Свободные голоса», вышедший в апреле 1918 г. под редакцией ученика И.М. Гревса Г.П. Федотова. «Размышление-рецензия» на журнал в июне 1918 г. – последняя опубликованная статья Гревса в оппозиционном издании¹⁴. Гревс приветствовал появление такого издания в новой России: «Его замыслила оч[ень] талантливая, хорошо известная мне группа, с которой я во мног[ом] не согласен, но которая, по-моему, составляет положительное явление»¹⁵. Он подерживал многие идеалистические положения, прозвучавшие в журна-

¹⁰ См.: Свешиников 2010.

¹¹ Карташев 1994: 472.

¹² РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Гревс 1918: 2.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 447. Л. 1.

ле, но главным вопросом, отделившим его от группы авторов, был вопрос о пути спасения России. Социализм как «единственно возможное лекарство» был неприемлем для Гревса. «Правильно ли ставить так основную проблему?» – вот вопрос, вокруг которого разворачивается дискурс. Сделать социализм религиозным – для него задача неразрешимая. Тем не менее, он поддерживает и даже благословляет этих «особенных социалистов» и верит в их правду: «Пойдем все плечо с плечом через справедливое культурное строительство к высшей Божьей Правде»¹⁶.

13 июня 1918 г. в письме Вяч. Иванову Гревс делится планами подготовки вместе со своими учениками сборника, посвященного вопросам «грядущего возрождения России, ее культуры и религиозности»¹⁷. По его словам, к этому проекту кроме учеников были привлечены «немногие»: богослов А.В. Карташев, философ Н.О. Лосский, правовед И.А. Покровский. Об участии в проекте Гревс просил и Вяч. Иванова, также обращаясь к своему другу и за помощью в переговорах с московскими издательствами, так как петроградское издательство «Огни», с которым Гревс вел переговоры, было перегружено заказами. Религиозно-культурный идеалистический дискурс «свободных голосов» гревсовского сборника, по-видимому, должен был противостоять не только официальному «большевистскому» дискурсу, но и религиозно-социалистическому дискурсу «Свободных голосов» Г.П. Федотова.

Статья «Церковь и интеллигенция» была написана летом 1918 года. Рукопись сохранилась в двух экземплярах. Один находится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в личном фонде И.М. Гревса¹⁸, другой – в московском архивном хранилище в РГАЛИ в личном фонде А.Л. Вольнского¹⁹. Первая рукопись представляет собой черновик, написанный синими чернилами на семи листах писчей бумаги тетрадного формата с двух сторон быстрым не всегда разборчивым почерком с многочисленными исправлениями, вставками, добавлениями. Вторая – больше напоминает чистовик. Она написана хорошо читаемым почерком на 13-ти вырванных блокнотных листах, о чем свидетельствует перфорация по верхнему краю, синими чернилами с одной стороны. Рукопись тоже имеет некоторые сокращения, добавления и исправления, но они встречаются гораздо реже. Скорее всего, текст переписывался Гревсом с черновика на беловик за один раз, о чем говорит одинаковый цвет чернил и аккуратный почерк постепенно переходящий в более быстрый и менее разборчивый. Таким образом, «петербургский» вариант текста написан раньше и является черновиком «московского». С одной стороны, это видно по характеру письма и культуре оформления, а с другой – московская рукопись имеет ряд вставок-добавлений, которых мы не встречаем в первом варианте, и проработанный ссыльный аппарат.

¹⁶ Гревс 1918: 2.

¹⁷ История и поэзия 2006: 263.

¹⁸ СПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-13.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 2. Д. 15. Л. 1-7.

Публикуемый ниже текст печатается по рукописному оригиналу, который хранится в РГАЛИ, с учетом всех исправлений и вставок автора. Все многоточия и подчеркивания принадлежат автору. Примечания самого И.М. Гревса вынесены в подстрочные сноски и отмечены звездочками. Примечания комментаторов отмечены цифрами. Текст печатается в соответствии с нормами современной русской орфографии при сохранении всех особенностей авторского стиля.

Церковь и Интеллигенция

«В жизни час вечереющий на небосклоне духовном тихо восходит «звезда светлая и утренняя», и дальний доносится благовест их храма Света Незаходимого. Но зноем палящим томит еще день, круто подымется в гору кремнистая стезя, трудный видится путь впереди.» (С.Н. Булгаков)²⁰

1

Наша революция началась вне всякой религиозности; она проходит без обращения к Богу, не просит Его благословения, не ищет закона в Его завете, не освящает путь свой словом Его. Это чувствовалось с самого начала даже в первые немногие светлые дни, когда могло еще вериться в добрый, мирный, братский исход. Может быть, это именно ясно доказывает безысходность стремления к благу путем насилия, осуждает вообще революционный путь. Что, действительно, общего между красным знаменем, зовущим к междоусобию, и былым строем, хвалящим правду и единение между ненавистью и любовью, Богом и мамоною, зловещим треском пулеметов и радостным звоном колоколов, кровавою Марсельезою и гимном «славы вышних Богу», призывающим к «миру на земле», «в человечках к благоволению?».

С каждым днем картина становилась мрачнее: безрелигиозность, безбожие русской революции 1917 года открывалась все безнадежнее. Не только о Боге не вспоминали, но забыли о лучших человеческих чаяниях, какие почерпали санкцию в слове Божьем, совпадали с «благою вестью». Религиозное не открылось, но и идеальное скоро выветрилось. – «Свобода, равенство, братство»²¹ – формула, классически революционная, где она? На месте служения ей царит тирания, угнетение, грубая, дикая сила. Иначе не может быть, потому что люди горят злым пламенем ненависти, а душу «великих принципов» составляет любовь. Наша революция, – мало того, что не вызывала идеалистического подъема: она, как никакая другая в прошлом человечества, погрузилась в материальное. Она вся – разлив воцелений.

Класс на класс. Человек человеку волк. Борьба даже внутри класса. Забвение великой истины «не хлебом одним жив человек». Народ, который в рабстве являл героизм и самоотвержение, в свободе будто сразу превратился в слепого хищного зверя. – Интеллигенция у нас всегда была безрелигиозна. Такова тяготеющая на ней печаль, ее обессиливающая. Со временем образования радикальных течений в русской мысли «атеизм» также как «социализм» признавались необходимыми основами передового мировоззрения. И первый умерщвлял второй. Также и обратно: официальное, лицемерное православие реакционных кругов – только подтверждает факт безбожия русского образованного класса. Ис-

²⁰ И.М. Гревс цитирует «Слово от автора» из книги С.Н. Булгакова (декабрь 1916). См.: Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Директ-Медиа, 2014: 10-11.

²¹ Лозунг «Liberté, Égalité, Fraternité» (фр.) родился в годы Великой французской революции и связывается с речью Максимилиана Робеспьера в Национальной ассамблее, произнесенной в 1790 г. В дальнейшем с этим лозунгом стали ассоциироваться демократические достижения Революции.

кренняя и глубокая религиозность старого славянофильства, выдвинувшая такого замечательного богослова-мыслителя, как А.С. Хомяков, вырастившая и духовный гений Достоевского, – не развивалась, а худела. Вся озаренная высокою верою фигура Владимира Соловьева, связанного и с славянофильством, и с западничеством, но и выделяющаяся из того и из другого, стоит одиноко в ряду наших духовных вождей именно этим. Когда петербургские студенты стали (в начале 80-х годов) увлекаться его словом (лекциями о Богочеловечестве²²), прогрессивные журналы возмущались: как! русская молодежь берет во «властителей дум» проповедника религии! Тесная группа религиозных философов, его учеников и последователей, мыслителей – неохристиан, образуют малую семью, еще не достигшую влияния вширь на собратьев умственного труда. – Народ у нас до последнего времени считался верующим, как в политике он долго подразумевался «царистом». Но на деле он давно «теплохладен». Нет страны, думается, где бы Церковь так мало значила, как у нас: так была бы подчинена государству, так слабо авторитетна в массах и в образованных кругах. И такая особенность не вызывала ужаса, тревоги, даже внимания.

Февральский переворот 1917 г. первоначально не породил никакого интереса в обществе к религиозному началу, тем более к церковному вопросу. Мало двинулась и сама Церковь. Собрался под действием событий церковный собор в Москве²³ из иерархов Церкви и мирян. Восстановлено патриаршество. Но все это едва затрагивало и интеллигенцию, и массы. Внесло ли это уже семена обновления в самую Церковь? Во всяком случае, не ощущалось большой волны.

Революционная печать возглашает цель: год одни девизы настоящего дня, поражающие только размахом несбыточность, именно материальных, экономических требований, сбивших с толку всякое понимание в мало просвещенных трудовых классах: их инстинктам льстили неосуществимыми приманками неразумные или неискренние вожди. Пал труд. Разрушилось народное богатство. Столбцы крайних левых газет, склонявших во всех падежах слово «революция» и «революционный», пропитались низким пафосом фракционной злобы и клеветы. Руководители общественного мнения сеяли жестокою ненавистью, плодили разъединение, разжигали брата на брата.

Ни один взгляд не впирался в будущее, ни одной мысли не обращалось к России, ни одно чувство не волновалось родиной. Известный образ солдата, отвечавшего Керенскому на фронте, что он не пойдет воевать, потому что его убьют и тогда он не будет участвовать в дележе чужой земли, – представляет грозный символ русских революционных настроений. Не дорастали разум и совесть даже до сознания долга защищать отчужденную землю от врагов, чтобы она досталась сынам и братьям. Понятно было лишь собственное наслаждение вырванным куском. Оно исчерпывало искания. Душа соблазнялась страхом, как бы другой, свой же, сосед, не захватил добычи.

Не появилось ни одного внушительного и сильного идеалистического органа печати, который ставил бы религиозные вопросы на первый план. Идея вечности, стремление к абсолютному будто кануло в пропасть. Журналы, которые ставили такие проблемы, освещали грядущее, отрывали от ослепления злобою дня, влияли мало, читались лишь там, для кого не надо было доказывать истину о насущности духовного хлеба. – Революционная поэзия дышала не Богом истинным, а упивалась человеческою кровью. «Красный звон»²⁴ – так про-

²² «Чтения о Богочеловечестве» – одна из основных богословских работ Вл. Соловьева. Этот цикл публичных лекций был прочтен им в 1878 г. в Санкт-Петербурге. Текст «Чтений» связан с «Лекциями по истории философии», прочитанными им в 1880–1881 г.

²³ Речь идет о Поместном соборе Православной российской церкви, прошедшем в Москве с 15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 г.

²⁴ Красный звон. Сборник стихов С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Шириевца со вступительной статьей Иванова-Разумника. Петроград, 1918.

звали крайние делатели «социалистического отечества» сборник, в котором соединили, по их мнению, лучшие произведения «народных певцов» российской революции, самозванно наделенной уже эпитетом «великой». Жалко и деревянно звучит здесь «творчество». Нет вдохновения. Все полно риторики. Начинается книга с переложения «Марсельезы», кончается воспеванием Стеньки Разина, темного героя «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». Грустно бездарностью полна тощая книжка. В мертвые трафареты «красных слов» замкнулись, казалось, живые таланты. Если читаешь здесь слово – «Бог», «Спас» или «молитва», испытываешь жуткое чувство чего-то противоестественного, будто им придется какое-то иносказательное, оскорбляющее их святость значение.

Деятели искусства, которые заражались неизменным пониманием революции, как насилием массы над культурой, над личностью и традицией во имя острых appetitов сего дня и присоединились к торжеству победителей, обезглаживали или искажали в себе дарованный им созидющий гений. – Александр Бенуа, сразу перебросивший чуть ли не к большевикам, не сказал после февраля ни одного светлого, возвышенного слова. Когда революция говорит у нас об искусстве, получается бессмыслие, грубое лицемерие или бранное, разрушительное безвкусие. – Один из крупнейших, подлинных современных поэтов, Александр Блок, излил новое свое революционизировавшееся вдохновение в нашу самую поэму «Двенадцать»²⁵. Здесь искренний и добросовестный ценитель его таланта одновременно поражается удивительно яркостью изображения страшного революционного зла и негодует от кощунственного сближения сияющего кроткою любовью образа Христа с героями и толпою звериных деяний. Думаешь и не знаешь, что же тут осмысленный панегрик, или бессознательное обличение, вера, что Христос победит и это ужасное насилие высшего волей благодатного мира, или – это злое смещение в порыве безумия дьявольского с Божьим. Отглаголюющий ритм «частушки» ранит сердце, когда он практикуется в качестве художественного обличия рукою неподдельного таланта. Куда ушел несравненный поэт!

2

Сознание Церкви, голоса за Церковь поднялись только тогда, когда полилась черная струя гонения на нее и на религию со стороны торжествующего большевизма. Временное Правительство относилось к Церкви терпимо. Оно призывало к управлению ее делом одного из лучших верующих мыслителей и религиозных деятелей²⁶. Советские же комиссары сразу стали преследовать ее исключительными законами²⁷. Отделение Церкви от государства, проведенное ими помимо сознания и желания народного, явно направлялось к удушению Церкви. Воспрещение религиозного обучения в школах идет резко наперекор огромному большинству родителей учащихся детей. Угроза ограблений церковного достояния, насилия над служителями церкви – лишнее проявление хищничества новых господ.

Только тогда поднялся протест и духовенства, и мирян, послышался голос Церкви и нуждающихся в ней. До этого священство либо оставалось в прежней апатии, либо «демократическими союзами» поддавалось политической отраве, выставляя на своих программах – «вся власть советам», слабо радуя о чистом «обновлении церкви». Только теперь чувствуешь более проник-

²⁵ Первое самое известное издание поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова вышло в ноябре 1918 г. тиражом 300 экземпляров, который разошелся по предварительной подписке. См.: Блок 1918.

²⁶ Речь идет об Антоне Владимировиче Карташове (1875-1960) – российском государственном деятеле, последнем обер-прокуроре Святейшего синода, Министра созданного при Временном правительстве Министерстве исповеданий.

²⁷ См., прежде всего, Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 г.

новенное растроганное богослужение, согретое страданием слово взволнованных проповедников. Видишь, что миряне вновь наполняют храмы в скорбной молитве, пробуждаются в людях религиозные запросы, признаки муки душевной о деле веры. Только теперь крестные ходы чередуются с демонстрациями революционных масс, может быть, начинают побеждать в их внутренних настроениях молитвенные призывы, отражая охватывающее всех ощущение ужаса. Но и то, смотришь и не знаешь, прямая ли это реакция на дальние бедствия, или истинно проснувшаяся жажда горячего озарения. В отчаянии взываем мы к Богу о «хлебе насущном» буквально, потому что мучимся физическим голодом и не видим, как его преодолеть человеческими средствами? Или мы наконец, в самом деле, увидели, что ни хлебом одним должны существовать, и пред очами нашими предстали далекие, еще закрытые двери царства Божия?

Не знаю еще! Сам чувствую в себе общую беду и великий грех русской интеллигенции. Могу говорить ни как ведающий и указывающий, а как смиренный и кающийся, но глубоко прочувствовавший зло в себе и кругом, в близких, друзьях и соратниках. – В нас политика заела умы и сердца, даже уже и хуже – близорукая партийность: настоящее задавило грядущее, тем более – вечное. Мы в рабстве у стихии переживаемого дня. Вдаль неспособны глядеть и видеть. «Партии» – у нас самая популярная, почти единственная форма объединения. А как относятся они к религии и той силе, которая религиозно сплавивает, к Церкви? – «Черносотенцы» – порабащают: и сама Церковь слабеет; она давно покорно служит полицейскому, самодержавному государству. – «Красносотенцы» – уничтожают: стремятся раздавить ее, как враг *écraiser l'infâme*²⁸ – Умеренные – равнодушны, самое большее, пассивно благожелательны. Но и здесь чему? Не положительному делу Церкви, а отрицательно – ее внешней свободе. В настоящий темный момент, когда торжествующие теснят Церковь, противники их бросаются (и то нерешительно) ее защищать, но только словесно. Какой вес может получить такая полувынужденная защита из уст политика, на каких-нибудь «эсэровских» столбцах!

От такой партийной обыденщины, интеллигентской закоснелости давно изжитого «псевдопозитивизма», от духовного неведения – настал час отрешиться всею душою, открыто и полно, поднять высоко религиозную хоругвь. Стоять за культуру, особенно за культуру народную, национальную, нельзя, отменяя религию. Она интегральная и высшая ее составная часть. Человек – существо врожденно религиозное также, как познающее и творческое, больше, чем общественное. Он становится общественным в мире исторического опыта; но религиозным он является на свет. Безрелигиозность (безбожие) такое же искажение человеческой природы, как неподвижность невежества, безпросвещенность (безумие), как потеря правительственного чувства (беспутьство). Это – жестокая горестная болезнь, опасная зараза. Религия – это душа культура и ее единство. Культура распадается, крошится, когда мертвеет религия. Необходимое условие сохранения, выздоровление культуры, потерявшей силу, – возрождение в ней религиозной души.

Картина нынешнего цивилизованного мира, в котором народы терзают друг друга в беспощадной войне, когда всякая святая цель потонула в море крови и разорения вещественных и духовных ценностей, – ужасающее последствие долгой безрелигиозности, векового самообмана человеческого разума, возмнившего себя всесильным. Позорное разрушение, в котором гибнет Россия, тоже несет печать великого греха безбожия: отсутствие религиозной санкции убивает высшие начала жизни, отравляет принцип и долг. Один наш чуткий поэт (Максим[илиан] Волошин) лучше всех других сумевший воплотить трагедию войны в проникновенных песнях, так говорит о неразрешимой смуте, какую охватывает сознание страшный катаклизм:

²⁸ Пер. с фр. «Раздавите гадину!» – знаменитая фраза Вольтера о католической церкви.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
 Все во мне, и я во всех; одной
 И одна – тоскою плоть объята
 И горит сама к себе враждой.
 В эти дни безвольно мысль томится,
 А молитва стелется, как дым.
 В эти дни душа больна одним
 Искушением – развоплотиться!²⁹

Это – тяжелое заблуждение, когда думают, что религия падает, становится ненужною иллюзией, при победоносном развитии науки*. Наука делает особое, великое, но иное и ограниченное дело; она не может заменить безграничного дела религии. Она осуществляет разумом исследование мира явлений; религией достигается в вере откровение абсолютного, «опознание Бога, ощущение Его реальности, непосредственной связи человека с Ним». Только религия открывает путь к вечному, а человеческое неиспорченное сердце неудержимо жаждет его.

3

А.В. Карташев, один из немногих вдохновенных носителей религиозной веры среди нас, светской интеллигенции, четко ставит** проблему строительства теократии. Мы боимся этого слова, ибо оно обращает нас назад, когда под таким именем действовала всевластная «обмирщенная» церковь католическая, налагавшая руку на людскую совесть и рукою государства принуждавшая к вере отпадающих, распоряжаясь его мечом; тогда зажигались костры во имя Христа. Но здесь возмущается теократия иная, новая и истинная; она выражается не в насильственном господстве Церкви над мирянами, а в свободном главенстве в душах людей, народов религиозного начала, потому и выдвигается ничем незаменимое духовное первенство Церкви среди человеческих установлений.

Когда я говорю о религии, я мыслю, без сомнения, христианство, как религию высшую и вечную, полную божественного света. И образ христианства открывается мне в православной, давно забытой и утерянной нами вере отцов. Я зову издревле родное исповедание русского большинства. Мне чуждо, оно особенно близко к делу и слову Христову; оно приемлет и объемлет космос и одухотворяет его, ведет к Божеству, раскрывая свободный вселенский путь к постижению смысла мира. Оно жарко горит духом высшей Божьей любви. В нем – духовная свобода и огромная мистическая глубина, объятие великой тайны.

Собраться, сгрудиться должны мы, религиозные люди из русской интеллигенции, друг друга утвердить, забывая вторичные разногласия, отрекаясь от худых взаимных чувств и дурных сомнений; – а потом должны другим говорить слово истины, нас спасающее, нас озарившее в трагическую годину катастрофы родины в страшный час кризиса нашего сознания.

Утверждаю: религия – индивидуальное дело. Только тогда, когда вера – вполне личное творчество, сильна и искренна она будто бы в людях. Пусть каж-

²⁹ М. Волошин. В эти дни (посв. И. Эренбургу, 1915). См.: Волошин 2013: 113.

* Мне еще недавно пришлось читать подписанное именем авторитетного историка утверждение, что не может иметь будущего религия в человеестве, ибо утеряна потребность, некогда вызвавшая ее к жизни в первобытные времена. Дикарь создал (выдумал) религию, потому что не знал и страшился природы, обоготворял ее и старался умилишить. Теперь цивилизованный человек знает природу и господствует над нею. Ему незачем больше молиться избретенным им же божествам. Для религии нет будущего. Это поразительная простота ложно-научного самоослепления. Это – наивная (отрицательная и бесплодная) вера, прикрытая плащом знания, в современном ученом гораздо более непростительная, чем в рационалистах XVIII-го века, воображавшем, что религия – корыстное размышление жрецов.

** В превосходной по богатству религиозного содержания брошюре своей – «Реформа, реформация и исполнение Церкви» (Петроград, изд. «Корабль», 1916 г.).

дый верует, как хочет, в сердце своем и сближается с единоверующими в свободную общину. Пусть таких будет много, сколько угодно (свободных личностей в свободных союзах), чем больше, тем пышнее станет расцвет. Нет, не так: религия – соборное, вселенское дело. Религия – истина, а истина – одна. Религия – это единство, она объединяет человечество. Она обвеет только всех вместе, когда они совьются в одно духом истины. Личность существует самостоятельно, и свобода ее реально и утвердительно осуществляется, когда она – живая часть живого целого. Такое целое – не только больше, выше, значительнее, чем часть, оно – раньше, чем она. Только какое это целое? Органическое, внутренне и постоянно единое, изначала живое, не механическое, временно, случайно сложившееся, всегда готовое к распылению. В организме все части уже заключаются в семени целого, все части теряют жизнь вместе с умиранием целого. Личность, брошенная в отдельности, не совершенна, немощна. Она погибает именно в отношении свободы и полноты, и смысла своего бытия. Достижение своей независимости и человечности личность совершает в собственной религиозности и в нераздельной связи с религиозным обществом, Церковью. «Личность – автономна, лишь когда она теономна»: свобода личности – в Божьем законе, когда она живет в пронизанном Богом космосе, сознательно объединенная одухотворяющей его Церковью. «Лишь возвращаясь из глубокого колодца уединенной религиозности личности в плерому универсального бытия, бытия живого в космосе и Боге – можно по-новому понять мир...».

Слепые, либо своекорыстные руководители нынешней революции и их рабские последователи все хотят найти опору для строительства идеального общества будущего в классе, в прославленном «классовом самосознании пролетариата». Они попирают нацию, тем более Церковь, как органы единения. Но класс представляет плохое и слабое начало организации и воспитания солидарности, чтобы не говорила марксистская ортодоксия. Классовая группировка не только резко ставит друг против друга отдельные классы, но и внутри каждого одноименного производит непрочное и призрачное сплочение. Материальный интерес не соединяет, а разъединяет. Уже теперь у нас крестьяне и городские рабочие чувствуют друг друга скорее врагами, чем братьями. Между ними уже образовались противоположные «классовые интересы». А большевистская идеология, перелицевавшаяся у нас и в народническую – («рабоче-крестьянское правительство»), – подстрекает и теперь среди крестьян одних (бедняков) на других (богатеев) и наталкивает на крестьян вооруженных рабочих силою отнимать у них хлеб. Внутри класса всегда будет возникать злой антагонизм из-за земных благ. Установление же равенства невозможно.

Точно так же социализм выдвигается революционными главарями не как план реформ общественного строя, а как вера в земной рай. Здесь опять опасное заблуждение. Социализм – исторически созданный экономический идеал, строящийся для разрешения социального вопроса в интересах трудящихся масс. Он не может стать цельным мировоззрением, охватывающим вечность. Когда же относительное отождествляется с абсолютным, тогда научная теория обращается в религию, но дурную, грубую и ложную. Родится новый вид фетишизма, обоготворение неподвижной, животной сытости. «Христианский же социализм» есть понятие противоречивое, ибо то, что в социализме выдвигается на первый план, как фундамент, как первопричина блага, – экономический интерес и его удовлетворение, то в христианстве отодвигается на последний: хозяйственное строительство в религиозном обществе – последствие веры, а не беда культуры.

Если мы от класса перейдем к нации, как орудию объединения людей, то в ней найдем силу гораздо более прочную, естественную, органическую. В ней скрывается внутренняя целостность, полнота жизни, долго, веками развивавшейся: народ объединяется великими связями языка, преданий, обычаев, учреждений, быта, склада мыслей и характера, легенды, поэзии, всего того, что

называется историей. Народ объединяется религией; в нем создается и Церковь. Будем же думать, как сплотить наш распавшийся народ! Не станем выступать на путь неразрешимых классовых разногласий!

Только внутри крепкой нации рождается настоящим образом личность ее сынов и дочерей. Сама нация, если она живая, жизнь получившая, – есть сложная личность: внутри свободной нации свободная личность. Но религия – душа нации; церковь же – плоть религии. Она тысячью невидимых нитей соединена с душою ее. Идя же назад, погружаясь в прошлое, мы шаг за шагом, убедимся в непрерывной и неразрывной связи Церкви с Богом, его откровением, заветом Христа – Богочеловека. Эта связь таится и раскрывается в ее Писании, таинствах, священной иерархии, сонмах и поколениях святых, в великой традиции почитаемых отцов... Церковь – хранительница нации в высших сферах вечного бытия. Она же – Церковь мировая, вселенская, – орган дальнейшего соединения между нациями, созидания единого человечества.

Мне вспоминается один рассказ Чехова, как студент говорил крестьянским женщинам о страстях Христовых и об отречении Петра. И он понял, что «если одна заплакала, а другая смутилась, то это не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что то, что происходило 19 веков назад имеет отношение к настоящему... к нему, обычным женщинам, пустынной деревне, ко всем людям... Радость заволновалась в его душе... Прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца цепи: дотронулся до одного, как дрогнул другой... И думал он, что правда и красота, направлявшие жизнь там, в саду (гефсиманском) и у первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и всегда составляла главное в человеческой жизни и на земле... и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного овладевало им... и жизнь казалась ему чудесной, полной высокого смысла...»³⁰.

Именно так: соборное благо всем в Церкви. – Классовый интернационализм! Какой иллюзорный, насильственный, туманящий разум, зловерный образ! Ведь им насильственно рассекаются в угоду доктринерской фикции великие исторические единства. Режут по живому телу наций, отбрасывают целые ее полновластные части, убивая их организм, выраставший тысячелетиями. Огрызки низов, «пролетариев всех стран» механически соединяют в международные классовые придуманные рамки и думают чудодейственно сплотить их, обвывая духом экономического инстинкта, безжалостно материализуют идею братства. Люди безумно надеются создать так единое человечество, отменяя почти все культурные слои народов под именем обездоливаемой «буржуазии», в высшем смысле трудовые и цивилизованные верхи. К чему же может повести насилие над природою, над историею кроме ужасающего краха, гибели нежестственных строителей, а за ним соблазненных масс!

Братство же между народами – это желанное, реальное, реализуемое чаяние. Самое слово «интернациональный» именно и выражает такое единство, и нынешние социалисты исковеркали смысл понятия. Но такое «международное» – лучше: «всенародное» – братство возможно лишь тогда, когда каждый народ создает сначала братство внутри себя, отказавшись от антагонизма между классами, выработав между ними солидарный союз в новом демократическом строе. Достижение такого единства совершается силою возрожденной религии. Какая же другая сила действует превыше эгоизма, победоносно сливает сердца, вечным светом и любовью? Безрелигиозный народ – бездушный народ, и судьба его – рассыпается во прах. Так и международное братство осуществится только когда части его, одухотворенные народы, будут сплочены пламенем общей религии, вселенского христианства, воплощаемого на земле в храме вселенской Церкви.

³⁰ Видимо, И.М. Гревс воспроизводит рассказ А.П. Чехова «Студент» по памяти.

Высшая, абсолютная истина, разлившаяся на всех, дает рождение великой личности, и единого человечества. Государство, национальное, территориальное, частное – необходимо людям ныне, чтобы сдерживать в нации или комплексе наций человека-зверя. Надобность эта особенно ярко ощущается всеми страдающими – личностями, классами, массами теперь в утерявшей единство России. Надобность может исчезнуть вместе с очеловечением всех, или функции государства свестись до минимума. Но Церковь – организация и плот религии – вечна, пока живет человечество. Церковь же идеальная, когда она осуществится, будет предвять на земле «царство Божие», – и она перельется в Церковь небесную. Это – сосуд единого человечества, Вселенская Церковь, носительница высшей правды. Она вводит человечество во врата Божьего града. – Можно ли представить единое, обнимающее все человечество государство? – Едва ли. – Можно вообразить лишь федерацию отдельных государств, национальных или сложных. Единую же Церковь мировую легко принять, как духовную личность, объемлющую всех людей; слившихся в живое человечество и свободно приемлющих общую, духовную же власть, руководящую советами. Без этого ничто и не будет единства.

4

Один из высших гениев человечества, великий Данте в «Божественной комедии» толкует людям их мировые судьбы, конечный смысл их бытия. В первой части поэмы-драмы он с победной убедительностью грозно начертал «разъединение Ада» среди пылающих страстей, разжигающих ненависть, убивающих сообщество, фатально ведущих к безнадежному одиночеству вечного страдания. «Lasciate ogni speranza!»³¹ А в третьей части чудными красками, полными небывалого света высочайшего вдохновения, объявшего поэта и пророка, он несет братьям-людям евангелие «единства в Раю», жизни в Боге, жизни в вере, надежде и любви, жизни в мире.

К миру высокому надо идти твердою поступью, всюю силою всех. Это достижимо уже на земле. Но земной рай не есть неподвижное благосостояние в сыром равенстве материального обеспечения. Это – еще далекая цель, созидание единой, христианской, религией оправданной вселенской культуры. Предстоит долгое, страдное, многотрудное, но и глубокомысленное будущее. Христианству начертана еще огромная история впереди, где будет строиться в Боге истинная «humana civilitas»³². Самую религию еще ждут широкие откровения. То будет строительство правды Божьей на земле. Пронизывание мира «Софией», Премудростью Божьей. Она дана с неба, как благодать, но она должна раскрываться работою людей в мире, как душа человечества, – Беатриче земная воплотит Софию небесную.

Верующее человечество в единстве Церкви. Таково еще очень далекое будущее. Но мы, опираясь на свою русскую, православную Церковь (да оживет она!), с нею, в ней, в работе для духовного возрождения русского народа будем шествовать к этой вершине –

Туда, где на горе под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Нас всех дождется наш заветный храм***³³.

³¹ Оригинал выражения Данте Алигьери – Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate (Данте. Божественная комедия. Ад. III). Буквальный перевод с ит. «Оставьте все надежды!». В разных переводах эта фраза передается по-разному. Так, у Д. Минаева читаем: «За мной ни для кого надежды нет!» (М.: ЭКСМО, 2006: 54). У М.Л. Лозинского: «Входящие, оставьте упованья» (М.; Л.: Наука, 1967: 18). Или, например, у В.Г. Маранцмана: «Оставьте надежду всякую, входящий» (СПб.: Амфора, 2006: 44).

³² Пер. с лат. «человеческая цивилизация».

*** Я заменил в последнем стихе единственное число (Меня) множественным (нас): так благословил бы поэт-учитель.

Интеллигенция наша никогда не была верующею. Народ потерял веру отцов. Пусть проникнется интеллигенция религиозо, завещанную прошлым: установление связи с будущим чрез настоящее и будет шествием к вечности. Пусть отчетея также к вере народ. Вера будет органом нашего союза с ним. Мы – религиозная интеллигенция – должны сплотиться в братства любви, сначала в тесные содружества, потом в расширяющиеся ордена спасения. Войдем в Церковь. Приобщимся к сокровищам, которыми они искони обладают. Что же лежат они под спудом, пропадают втуне! Будем приливом веры ее укреплять и обновлять. Как верные сыны, будем следовать ее закону, но и, как работники будущего, лить влугу жизни в нее и в себя. Почувствуем Бога в себе и в братьях и тем объединимся.

Говорю: надобно нам не только, как политикам, защищать свободу Церкви от насилия извне, но входить в нее живыми членами и тружениками, созидать русское, а потом и вселенское религиозно-церковное, соборное дело. Оцерковление интеллигенции, религиозное возрождение народа – такова многотрудная задача; она налагается силою жизненной правды, озаряющей свыше.

Принятие церковной веры не есть стеснение духовной свободы личности. Это – истинное ее осуществление. Отказ Церкви от рабства государству, от служения ему в подчинении – есть ее освобождение. Свободная Церковь – это церковь, не утесняемая, но и не утесняющая, действующая не громами анафемы, а словом любви; это – Церковь, духовно глаголющая истину. Свободная личность – это человек, вольно вступивший во вселенский религиозный союз. Неверующий (безбожный), отказывающийся от пути к Богу, если он Его еще не обрел, – это порабощенный мирским страстям и суетным волнам слепой, несчастный человек.

Но свободная Церковь, это – Церковь, постоянно обновляющаяся, ищущая дальше, движущаяся и движущаяся вперед, всегда творческая, в ее иерархии, в отдельных подвижниках, мыслителях, пророках, в одушевленных личностях, верующих массах. Церковь осуществляется не в одном священстве, но во всех. Общим органом творчества да будет общий из духовенства и мирян созывающийся собор.

Поднимемся на защиту религии и Церкви верою, надеждою и любовью, деятельною работою для правды Божией. «Сердце чистое создай в нас, Боже!»³⁴. – «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!»³⁵. – «Как хорошо, как радостно, братья, быть вместе!»³⁶. Эти слова древне библейского псалма восторженно произносит Данте, призывая идти к общественному и религиозному единству чрез свободу и культуру. – Да будет так!

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, –
Сердце сладким восторгом забилось,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдаль, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня****³⁷.

³³ Вл. Соловьев. В тумане утреннем неверными шагами (1884). См.: Соловьёв 1974: 72.

³⁴ См.: Пс. 50: 12.

³⁵ См.: Мф 5: 8. См.: Чистилище. XVII. 7.

³⁶ См.: Пс. 132: 1.

**** Это обращение Владимира Соловьева к Софии, Премудрость Божьей. – Д. Мережковский недавно верно сказал («Наш век», [1918] №103): «Только тогда, когда о Христе вспомнят (и народ, и интеллигенция) и скажут во имя Христа да будет Россия! Россия будет».

³⁷ Вл. Соловьев. Вся в лазури сегодня явилась (1875). См.: Соловьёв 1974: 61.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые университеты», 2005. 166 с. [Вахромеева О.В. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые университеты», 2005. 166 с.].
- Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОС-СПЭН 2003. 432 с. [Gajda F.A. Liberal'naya oppozitsiya na putyax k vlasti (1914 – vesna 1917 g.). М.: ROSSPE'N 2003. 432 s.].
- Гревс И.М. История Средних веков. Лекции, читанные им на Санкт-Петербургских ВЖК в 1892–1893 гг. / Сост. слушательницами 3-го курса. СПб.: Лит. Руднева, 1893. Ч. 1-2. [Grevs I.M. Istoriya Srednix vekov. Lekcii, chitanny'e im na Sankt-Peterburgskix VZhK v 1892-1893 gg. / Sost. slushatel'nitsami 3-go kursa. SPb.: Lit. Rudneva, 1893. Ch. 1-2].
- Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с. [Kaganovich B.S. Russkie medievisty' pervoj poloviny' XX v. SPb.: Giperion, 2007. 244 s.].
- Карташев А.В. Лев Платонович Карсавин (1882–1952) // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: «Алетейя», 1994. С. 471-477 [Kartashev A.V. Lev Platonovich Karsavin (1882–1952) // Karsavin L.P. Maly'e sochineniya. SPb.: «Aletejya», 1994. S. 471-477].
- Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с. [Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popyt'ka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshhestva. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 408 s.].
- Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н.Новгород: ННГУ, 2006. 227 с. [Seleznnev F.A. Konstitucionny'e demokraty' i burzhuziya (1905–1917 gg.). N.Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im, 2006. 227 s.].
- Сизова А.Ю. Российская высшая школа в 1917 году: между самодержавием и большевизмом. М.: Проспект, 2017. 192 с. [Sizova A.Yu. Rossijskaya vysshaya shkola v 1917 godu: mezhdu samoderzhaviem i bol'shevizmom. М.: Prospekt, 2017. 192 s.].
- Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. С. 223-248. [Skzrhinskaya E.Ch. Ivan Mixajlovich Grevs. Biograficheskij ocherk // Grevs I.M. Tacit. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1946. S. 223-248.].
- Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции, 1905–1907 гг. М.: Наука, 1985. 347 с. [Shacillo K.F. Russkij liberalizm nakanune revolyucii, 1905–1907. М.: Nauka, 1985. 347 s.].
- Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 503 с. [Shelohaev V.V. Liberalizm v Rossii v nachale XX veka. М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2019. 503 s.].

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и обществознания, Новокузнецкий институт (филиал), Кемеровский государственный университет; bambizova@mail.ru

Клюев Артем Игоревич, преподаватель, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет; pucholik@rambler.ru

An unknown article by Ivan M. Grevs

Readers are presented with the text of a previously unpublished article by Ivan Mikhailovich Grevs (1860–1941), professor at St. Petersburg University and the founder of the St. Petersburg School of Medieval Studies. This publication is expected to recreate the historian's artwork biography in its completeness, considering such element of his artwork as political journalism, which has been previously beyond the attention of historiographers.

Keywords: Ivan M. Grevs, political journalism, St. Petersburg School of Medieval Studies, the Church and the Revolution, liberalism in Russia

Ksenia Gersh, PhD in History, associate professor, Department of History and Social Studies, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University; bambizova@mail.ru

Artem Klyuev, Lecturer, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; kluevartem@mail.ru

Anton Sveshnikov, Dr. Sc., Professor, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; pucholik@rambler.ru